

Валерий Золотухин:

«ПОЗВОЛЬТЕ БЫТЬ ИМПЕРАТОРОМ»

— Валерий Сергеевич, полупустой зал удручает?

— Это удручает. Обидно за город. Не понимаю, от кого это зависит. Я не могу себе представить, чтобы было неинтересно встретиться с Леоновым. Это невозможно! Конечно, сейчас время такое, что публику затащить на какое-нибудь зрелище очень сложно. МХАТ отменяет по три-четыре спектакля из-за отсутствия зрителей. Но мне кажется, многое можно решить, нужно лишь приложить усилия.

— Вы играете сейчас в Театре армии. Это значит, Таганка приказала долго жить?

— Почему? Нет.

— Демидова недавно открыла свой театр, вы...

— Да при чем тут Демидова! Демидова — театр в театре. Она тратит деньги на какие-то свои дела. Потому что, например, «Федра» — это не таганковский спектакль, это не любимовское направление. Чтобы играть спектакль, она его выкупила — декорации, костюмы. И организовала свой небольшой коллектив. Но из Таганки она не уходит и продолжает играть весь репертуар. Любимов с ней поставил «Электру», сейчас ставят «Подростка», «Доктора Живаго». 17 мая в Вене состоится премьера.

— А вы играете на Таганке?

— Вы чем слушаете?

— А как же тогда «Павел I» в Центральном театре армии?

— Этот театр пригласил меня только на одну постановку. На Таганке я играю весь текущий репертуар: «Бориса Годунова», «Живого», «Дом на набережной», «Пир во время чумы», «Высоцкого». А «Павел I» я играю только в среду, когда на Таганке выходной. И целую неделю я жду возвращения на престол в Театре армии. А иногда бывает, что во вторник на Таганке я играю Самозванца, а в среду позвольте мне быть императором.

— Валерий Сергеевич, вопрос на засыпку: где вы

Судя по

количеству

зрителей в

Центральном

концертном

зале, приезд

театра «Русская

антреприза»

культурным

событием на

стал. Это и

могло не

огорчить

артистов.

С этого мы и

начали наш

разговор.

У нас

впервые

были 19 августа 1991 года? В тот день на память приходил «Бумбараш»...

— Я был в Москве с товарищем и давал интервью чехословацкому радио и телевидению. Я сказал, что это КПСС берет реванш пулями и танками за президентские выборы. Товарищ мой мне говорит: «Ну все, за нами хвост. Сейчас арестуют». Но обошлось. На баррикадах я не был, но старшего сына послал. А у младшего был день рождения.

— А что же все-таки происходит в Театре на Таганке?

— Этот вопрос очень серьезный, не для такого беглого разговора. Сейчас все артисты расколоты на два лагеря. Часть из них, преимущественно не играющих, очень испугались, что Любимов может реорганизовать театр. Он считает, что труппа раздута, надо переходить на контрактную систему. И люди боятся безработицы. Но, во-первых, Любимов никогда никого не уволил, и, во-вторых, он не имеет права увольнять. Но возникли личные амбиции. Эта часть труппы обратилась к Николаю Николаевичу Губенко с просьбой возглавить

их коллектив. Теперь они пытаются театр поделить. Любимов не возражает против раздела труппы, но вся беда в том, что они претендуют на помещения. Любимов не просто художественный руководитель. Он отец театра. И забирать у создателя театра имущество, по моему, безнравственно. Потом, им не нравится, что он уезжает часто и надолго за границу. Но так делают все ведущие режиссеры мира.

Положение сложное. Но Любимов говорил об этом давно, и люди должны были позаботиться о себе. Потому что, я считаю, мужчина должен прокормить свою семью. Но, если не получается с артистической карьерой, ищи другие возможности.

— Но это не просто психологически перестроиться...

— Да это советская власть нас развратила. Вот мы были в Париже. Там и в гардеробе, и в буфете задевают артистов. Они не гнушаются никакой работы. Никакого снобизма... У нас как было: «Любой труд в почете». Да ни хрена! Любимов говорил: «Выгонят из режиссеров — пойду в таксисты». И он пойдет, потому что готов внутренне.

А Губенко «со товарищи» используют запрещенные приемы. Они агитируют: «Голосуйте против Любимова, мы будем платить вам по 20 тысяч». Может, и будут платить, я не спорю. Но есть все-таки нравственные, моральные категории.

— А кто определяет профпригодность артиста?

— Ее определяет главный режиссер. В таком явлении, как художественный театр, не бывает демократии. Режиссер может ошибаться, но его право решать — пригоден артист или нет.

— Когда молодой Валера Золотухин приехал в Москву в шароварах, продав полкоровы, чего он хотел?

— «Полкоровы» — это вранье, художественная проза. А насчет того, что хотел?.. Мне сейчас трудно анализировать.

Вся беда в том, что я себя никем другим не представлял. Когда ехал в Москву, считал, что через полгода буду играть Хлестакова в Малом театре. Как пить дать! Не скажу, что это самоуверенность. Самоуверенность появляется гораздо позже.

— Складывается впечатление, что фольклор — ваша стихия?

— Это только на первый взгляд. Есенин мне гораздо ближе, чем Пастернак, например. Мне проще было читать Твардовского, Некрасова, потому что это народная стихия. А Пастернак — усложненная поэзия. Мы, к сожалению, ужасно невежественные люди. Мне 51 год, а я, к стыду своему, не знаю ни одного иностранного языка. Мы приезжаем с театром на гастроли за границу, так там каждая официантка владеет четырьмя языками! Жизнь-то проходит, и чувствуешь, как много потеряно.

— Как совместить ремесло и творчество?

— Любимов нас учил без химер обходиться. Сначала надо овладеть ремеслом. Ремеслу я отдаю первостепенное значение.

— Вы хорошо зарабатываете?

— Я зарабатываю хорошо. Сейчас с зарплатами становится весьма сложно, потому что никто не знает суммы. Раньше я мог купить машину, теперь это невозможно. Мы оказались в том положении, в котором были наши предки-актеры. Актеры всегда были нищие, за исключением оперных звезд.

— У вас есть друзья?

— Я к таким понятиям отношусь часурчур требовательно. Не могу сказать, что у меня есть друзья. Это ведь зависит от склада характера, профессии тоже накладывает отпечаток. Я где-то прочитал, что взрослые олени проводят свою жизнь в одиночестве. Мне интересней одному, чем с кем-то.

— Ваша жизнь сильно изменилась после того, как вы стали писать книги?

— Честно говоря, этот процесс был настолько медленным и незаметным, что я изменений не почувствовал. Помню, когда появилась моя повесть в «Юности», я вышел из издательства в каком-то обалдении. Чуть два раза под машину не попал. Потом отклики на нее получал от разных писателей. Борис Полевой, например, прислал письмо, где очень хвалил меня и просил писать еще, в свободное от работы время. А дальше уже не помню. Привык, наверное.

— Многие актеры Таганки занялись писательством: Демидова, Сметов, Золотухин, Филатов. Между вами нет конкуренции?

— У нас не может быть конкуренции, потому что пишу только я. Алла — эссе, Лена — сказки, пародии. Я с уважением отношусь к их творчеству. Таганка — в этом смысле организм особый.

— У вас есть внуки?

— Пока нет. Хотя сыну 23 года. Но, думаю, будут.

— Ваша последняя работа в кино?

— Ждем, когда выйдет на экраны фильм «Как живете, караси?»

Яна Крупенина,
Александр Осипов.